

СОЦІОЛОГІЧНІ НАУКИ

DOI: <https://doi.org/10.32839/2304-5809/2019-11-75-166>

УДК 303.01

Зинюк А.В., Крайнюков А.А.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КСЕНОФОБИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ШКАЛА БОГАРДУСА

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь феномена ксенофобии и идентичности, которая является структурой субъективной реальности. Согласно автору, инструмент познания реальности – шкала Богардуса, элиминирует из своего поля зрения идентичность, которая лежит в основе ксенофобии. Автор концентрирует внимание на феноменологической и социально-конструктивистской интерпретации идентичности, которая трактуется как основа диалектической взаимосвязи индивида и общества. Утверждается, что шкала Богардуса, обладает определенными концептуальными недостатками. В связи с этим предлагается конструирование концепта идентичности в консолидированной форме с концептом ксенофобии, что поможет как улучшить саму методику, так и детерминировать и сузить интерпретационный набор полученных данных (результатов исследования с применением шкалы Богардуса).

Ключевые слова: ксенофобия, идентичность, повседневность, схема типизации, социальные типы идентичности, шкала Богардуса, национальная дистанция.

Zyniuk Anna, Krainiukov Andrii
V.N. Karazin Kharkiv National University

THE PROBLEMS OF STUDYING XENOPHOBIA: IDENTITY AND THE SCALE OF BOGARDUS

Summary. The article deals with the inextricability of the xenophobia phenomenon with identity, which is the structure of subjective reality. Globalization, individualization, uncertainty, atomization, and the destruction of the space-time framework are the main characteristics of the modernity era, in the context of which the sociological focus shifts to the study of the «problem of identities», various phenomena are explored through the prism of identity. The tool of cognition of reality in the form of the Bogardus scale, with which xenophobia is studied, ignores the main element of the scheme «we» – «they», i.e. it eliminates from its field of view the identity that underlies xenophobia. Despite the interdisciplinarity of the problem, identity is the subject of sociological discourse for a rather long amount of time. Sociological science has paid great attention to the study of identities, and in the context of various paradigmatic approaches and concepts. The discourse of xenophobia in Ukraine practically ignores the influence of identity on the formation of national distance, because the methodology for measuring xenophobia does not include studying the differentiation of the social stock of knowledge, the historical aspect of living with other nationalities, everyday practices, the value hierarchy, the institution of the family, situational components, which or otherwise affect national distance and its precise interpretation. After analyzing the very methodology for the study of xenophobia – the Bogardus scale, we came to the conclusion that it has certain conceptual shortcomings. In this regard, it is proposed to construct the concept of identity in a consolidated form with the concept of xenophobia, which will help both improve the methodology itself and determine and narrow down the interpretation set of data obtained (research results using the Bogardus scale).

Keywords: xenophobia, identity, everyday life, typification scheme, social types of identity, Bogardus scale, national distance.

Постановка проблемы. Ксенофобия, как страх и ненависть ко всему чужому, является имманентным свойством всеохватывающего исторического нарратива человечества. Для того, чтобы детерминировать «чужое», индивиду необходимо провести четкую дистрикцию между «своим» и «не-своим», между «мы» и «они». Только в таком случае возможны, как и внутригрупповые отношения, так и межгрупповые, ибо без точной определенности «своих» и «чужих» одновременно, то есть в единстве противоположностей, невозможно выделение культурного образца жизни и конвенциональности ролей и статусов, присущим данной общности [1]. Идентификация как процесс (механизм) отождествления себя с неким типом, включающим в себя сущностные черты определенной совокупности людей, объединенной по общим при-

знакам, является обязательной при разграничении и упорядочивании всех аспектов человеческой жизни. Без сомнений, идентичность является ключевым атрибутом субъекта социальных взаимодействий, а индивидуализация в контексте глобализации, о которой упоминал Э. Бауман, превращает идентичность в «призму, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [2, с. 175]. Когда речь заходит про ксенофобию, то, непременно, следует акцентировать внимание на изучении идентичности предполагаемого субъекта ксенофобии, и, соответственно, объекта, то есть того, кто считается «чужим» и на кого направлена «ненависть».

Учитывая те трансформации, которые пережило украинское общество, а именно переход от тоталитарного советского режима, «бессубъектно-

сти индивида» [3, с. 2] к конструированию новых идентичностей, «усиливающиеся межэтнические противоречия» и «социальная дезориентация людей в условиях ценностно-нормативной неопределенности и аномической деморализованности» [4, с. 1], можно сказать, что изучение проблемы ксенофобии и идентичности невероятно актуально. Самая распространенная методика, в первую очередь из-за своего удобства, репрезентативности, применяемая для исследования ксенофобии в украинском обществе – шкала расовой дистанции Э. Богардуса, адаптированная Н. Паниной [4]. Данная экспресс-методика используется во всеукраинских мониторинговых опросах, проводимых Киевским международным институтом социологии (КМИС) и Институтом социологии Национальной академии наук Украины (ИС НАНУ). Однако, сомнительным остается тот факт, что этот метод исследования может быть использован для определения «интолерантности» и «ксенофобии» [5, 6, 7]. Таким образом, В. Паниотто пишет: «Автор, однако, далек от того, чтобы рассматривать этот индекс (и национальную дистанцию вообще) как валидный показатель уровня ксенофобии. И ксенофобия как предубеждение по отношению к чужим вообще, и антисемитизм как одно из проявлений ксенофобии являются сложными многомерными явлениями, они не могут быть описаны лишь одним-двумя индикаторами» [8, с. 6]. Дискурс вокруг шкалы Богардуса, ксенофобии и интолерантности упускает из виду одну важную деталь – идентичность. Возможно, именно из-за игнорирования этого важнейшего элемента системы «мы» – «они» интерпретация данных, полученных вследствие использования шкалы национальной дистанции, оказывается довольно-таки затруднительной. И, собственно, перед нами возникает вопрос: насколько целесообразным является изучение проблем «национальной дистанции», «интолерантности», «ксенофобии» в изоляции от изучения идентичности?

Таким образом, **целью нашей статьи** является обоснование одновременного исследования ксенофобии и идентичности для усовершенствования самой методики (шкалы Э. Богардуса) и точности интерпретации полученных данных.

Анализ литературы, последних исследований и публикаций. К проблеме конструирования идентичностей было направлено множество векторов социологической мысли, среди которых хотелось бы выделить: феноменологическую традицию А. Шюца [9], парадигму социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [10], концепцию «текущего модерна» З. Баумана [1, 2], теорию структуризации Э. Гидденса [11], и, конечно же, структуралистский конструктивизм П. Бурдьё [12]. Изучением идентичностей на постсоветском пространстве занимались: В. Ядов [3], С. Макеев, С. Оксамитная и Е. Швачко [13], Л. Гудков [14]. Исследования насчет ксенофобии и использования шкалы Богардуса в Украине представлены в работах Н. Паниной и Е. Головахи [4], В. Паниотто [8], В. Нахмановича [5], А. Шестаковского [6; 7].

Изложение основного материала. Комплексность и многогранность феномена ксенофобии (в нашем случае – этнической) обуслав-

ливают все трудности его изучения, но, впрочем, связано это, в первую очередь, с процессуальностью социальной реальности, постоянным (ре) конструированием идентичностей, что и становится причиной конфуза и практической неосуществимости детерминации «абсолютного показателя ксенофобии». Так, Г. Зиммель [15], изучал формы социации – константы воспроизводства форм человеческих взаимоотношений, а возможность общества рассматривал как реализацию единства своими собственными элементами, то есть как динамический процесс конструирования внутренних связей. Развитие такой модели перспективы на социальный мир мы можем наблюдать и у современной социологической мысли. Э. Гидденс предлагает свою концепцию структуризации [16], основанную на синтезе микро- и макроуровней, что представляет из себя попытку объяснить процессы оформления социальной системы посредством изучения процедур оформления отдельных образующих ее систем (социальных институтов, структуры, социального действия и т.д.). С переходом от традиционного порядка к эпохе «рефлексивного модерна» (посттрадиционному порядку), когда пространственно-временные рамки были преодолены и фактически разрушены, а «мир был приведен в движение», идентичность стала ненадежной, хрупкой, неопределенной. Она перестала быть предначертанной аскрипцией, детерминирующей положение человека в обществе. Скорее сам индивид конструирует эту «аскрипцию», конституируя свой набор практик, ориентаций и схем поведения из всевозможных паттернов жизненных стилей, которые направлены не столько на «удовлетворение утилитарных потребностей», сколько на «придание материальной формы определенному нарративу самоидентификации» [11, с. 81]. Атомизированность и индивидуализация выстраивают свою логику: субъект обладает возможностью, правом и интенцией самостоятельной дескрипции своей самоидентификации, он становится создателем своей судьбы, действуя в контексте нестабильного и трансформирующегося «общества риска», когда он не может быть уверенным в будущем, и, следовательно, опирается на модус организации своих практик в соответствии с чувством онтологической безопасности. «Расплывчатость» и «текучесть» социальных связей становится консеквентом контраста модерна с традицией, имеющей интегративную и стабилизирующую функцию. Но, конечно же, это не означает полного освобождения от влияния традиции и от общества как такового. Более того, З. Бауман пишет: «То, что наша индивидуальность является продуктом общества, стало сейчас банальной истиной; но обратная сторона этой истины все ещё заслуживает возможно более частых повторений: форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живём, в свою очередь зависят от того, как ставится и решается задача индивидуализации» [2, с. 180]. Э. Гидденс, в свою же очередь, не отрицает лимитирования стратегий реализации своего стиля жизни, что обусловлено оформлением социальных систем [11, с. 82]. П. Бурдьё рассматривает континуум объективных связующих звеньев, проходящих

сквозь различные позиции, определяющих социальное поле, и образы взаимодействия, опосредованные габитусом, то есть системой диспозиций, структурирующей практики в соответствии с определенной логической инкорпорированной агентом формулой (онтологический статус позиций и гносеологический способ их восприятия) [12, с. 32]. Это предполагает наличие объективных социальных структур, которые влияют на агента вследствие их интериоризации, агент структурирует свои схемы мышления и действия в соответствии с воспринятыми установками, но, при этом, он обладает широким диапазоном воспроизводства этих установок, что отображает определенную меру реализации свободы такой экстериоризации. В общем, идентичность индивида становится зависимой в перцепции и суженной в реализации в соответствии с социальной структурой и ее логикой построения, социокультурными, историческими (габитус – исторический продукт [12, с. 40], с этим связан и «эффект гистерезиса»), экономическими, политическими факторами. Но, к тому же, она является фрагментированной вследствие дифференциации социального запаса знания, о чем писали П. Бергер и Т. Лукман [10]. Идентичность – продукт диалектической взаимосвязи индивида и общества в ходе конструирования субъективно-объективных значений. Но, во избежание погружения в «междисциплинарную ловушку», следует акцентировать внимание на типах идентичностей, которые являются объективными элементами социальной структуры (как в реификационной форме интеграции в систему легитимаций «нижнего уровня», так и в универсальную матрицу социальной жизни – символический универсум). Учитывая феноменологический характер анализа общественных процессов, авторы выстраивают «круги Эйлера» вокруг реальности повседневной жизни, приписывая ей гегемонию над остальными реальностями (теологической, научной, реальностью сновидений), которые являются лишь анклавами в главенствующей сфере хабиитуализированных схем мышления и действий. Такой процессуальный «рутиноцентричный» взгляд, учитывающий взаимодействие микро- и макросистем (реальностей), помогает установить ряд положений, которые являются исходным пунктом при анализе идентичности и ее эксплицитного выражения. Язык – структура, которая структурирует субъективные смыслы, а сигнификация как процесс (результат) интерсубъективного предписывания значений, сохранившаяся в ходе аккумуляции социального запаса знания и исторического развития, приобретает свойство седиментации, то есть опыта, с помощью которого субъект может контекстуализировать свою биографию. С помощью таких значений конструируются схемы типизаций, содержание которых наполняется наделением определенной субстанции некими качествами. Изменение схем типизации происходит с помощью ситуаций лицом-к-лицу, причем, при увеличении степени дивергенционного аспекта от такой ситуации, схемы типизации имеют свойство выкристаллизовываться в сознании, ибо нет необходимого стимула, который бы побудил индивида видоизменить или трансформировать схему типизации.

Чем анонимнее выступает предмет такой схемы типизации, тем больше вероятность его консервирования и сохранения его статичности. С этим связан и прагматический интерес повседневной жизни: индивиду характерно приобретать знания насчет необходимых ему сфер, в которых он может проводить манипуляции (или иметь такую интенцию). Такой «прагматический мир» (система релевантностей по А. Шюцу [9]) можно обрисовать с помощью черно-белого градиента: непосредственное окружение индивида обладает ясностью и необходимостью, а при отдалении от зон манипуляций (предполагаемых в том числе), в основном, имеющих свойство «здесь-и-сейчас» (хотя, если вспомнить возможность трансцендирования сквозь пространственно-временные рамки в контексте модернити, поэтому это не имеет особого значения), человек утрачивает ясность понимания и необходимость воздействия, что приводит к использованию анонимных (с) конструированных схем типизаций, предполагающих отсутствие интимной близости с объектом такой схемы, а потому и частичное, фрагментарное его понимание, составленное на объективных значениях (зачастую, принимающих форму легитимаций). Схемы типизаций – объективированы, а их интернализация происходит еще с периода первичной социализации, основными свойствами которой является неизбежность принятия установок и эмоциональная привязанность к значимым другим. Значения, интернализированные в ходе вторичной социализации, обладают меньшим влиянием и накладываются на значения первичной социализации, то есть значения вторичной социализации являются вторичными и по своей сути, проходя фильтр значений первичной социализации. Социальные типы идентичности, напрямую связанные со схемами типизации, возникают как само собой разумеющиеся, это выступает неким конструктом, который приобрел хабиитуализированный штамп. Это и лежит в основе институционализации – взаимная типизация хабиитуализированных действий и деятелей.

Идентичность – чрезвычайно комплексная субъективная реальность, конструируемая в постоянном процессе диалектической взаимосвязи с объективной реальностью. Хотя она и видоизменяется и трансформируется (особенно в условиях текучести модерна), но она делает это сквозь фильтрацию интернализированных объективных значений первичной социализации (неизбежность и эмоциональная привязанность этого периода обуславливает монолитность таких значений). Значения, приобретенные в ходе вторичной социализации, накладываются на эту устойчивую структуру, они не обладают такой силой, они, скорее, являются хрупкими, ненадежными, изменчивыми. Сделав такой вывод, несомненно, становится очевидным факт сложности изучения такого междисциплинарного явления. Но, попытки «социологизировать» и подвергнуть анализу этот феномен предпринимались, и были успешны. Так, допустим, В. Ядов провел исследование идентичности в кризисном обществе постсоветской России [3], артикулировал мысль на идентификации индивида с ближайшей зоной прагматического интереса (непосредственным

окружением), что детерминирует ситуативные установки и, в свою очередь, определяет поведение человека при взаимодействии на межгрупповом уровне (в понимании Шюца может быть задействована «область релевантностей» и селекция эффективного индивидуального решения проблемы). Эмфаза объективных детерминант, влияющих на процессы групповой солидарности, может помочь в таком социологическом фокусе рассмотрения проблемы. Зафиксировать такие детерминирующие индикаторы можно посредством провокации рефлексии у респондента (ибо человек становится оторванным от повседневной реальности), а такой «пусковой механизм» активизирует сам исследователь [13, с. 10].

Шкала Богардуса: применение методики для изучения национальной дистанции в украинском обществе

Методика, изобретенная Эмори Богардусом и Робертом Парком, была предназначена для измерения «степени интеграции и солидарности образующегося общества» [4, с. 4] и «общего уровня развития демократической культуры» [4, с. 4]. Версия шкалы и интерпретации ее значений, адаптированная Н. Паниной [4], представлена в таблице 1 ниже.

Шкала сконструирована по кумулятивному принципу, с помощью нее определяется значение национальной дистанции по отношению к представителям различных национальностей. Для интерпретации значений были выведены специальные индексы: ИНД (Индекс национальной дистанцированности) и ИИНД (Интегральный индекс национальной дистанцированности). Первый показывает среднее значение национальной дистанцированности по семибальной шкале по отношению к отдельно взятой национальности, второй – среднее значение по отношению ко всем национальностям, за исключением украинцев и русских.

Как отмечают исследователи данной методики, понятия «интолерантности» и «ксенофобии» используются здесь в операциональном ключе [6, с. 5]. Действительно, сама шкала обладает определенными концептуальными недостатками, которые проявляются, если мы попытаемся интерпретировать полученные данные. Так, непонятным остается значение ИНД (Индекса национальной дистанцированности) и его скачка в период с 2001 по 2002 год. Авторы связывают это с терактом 11 сентября 2001 года [4, с. 9],

и концептуализируют это следующим образом: «Как свидетельствовали предыдущие результаты мониторинга, население Украины психологически дистанцировалось («отстраняло») от себя преимущественно те национальности, которые ассоциировались с возникающими в мире межнациональными конфликтами» [4, с. 9]. Но, тогда почему «под руку» попали белорусы, ИНД к которым увеличился с 2,7 до 4,2, к крымским татарам с 5 до 5,6 [4, с. 10]? Тем более, ИНД по отношению к самим украинцам возрос на 0,8 (с 1,6 до 2,4). То есть, фактически, вопрос интерпретации данных остается открытым и дискуссионным, а само применение такой шкалы носит лишь репрезентативный и относительный характер для измерения динамики национальной дистанцированности. Проблема, как обозначалось выше, заключается в том, что идентичность и ксенофобия неизбежно связаны, они выступают как единство противоположностей «мы» – «они», поэтому изучения ксенофобии без изучения идентичностей вряд ли может принести плодотворные результаты в глубинном освоении темы. Мы можем заметить противоречивость такого подхода в следующем тезисе: «Особый интерес в этом контексте представляет работа М. Хомякова, раскрывающего противоречивый характер одновременного сохранения межгрупповой толерантности и групповых идентичностей. Это противоречие, на наш взгляд, снимается лишь в том случае, когда человек способен идентифицировать себя не только со «своей» группой, но и распространять механизм идентификации на другие социальные группы, принимая их представителей как «своих». В социологическом аспекте это означает возможность сокращения социальной дистанции по отношению к «чужим» до той черты, где пребывают «свои» [4, с. 3]. Помимо того, что без «чужого» не может быть и «своего» (и наоборот, это замечательным образом проиллюстрировал З. Бауман [1]), так и «механизм идентификации на другие социальные группы» не может быть задействован по причине дифференциации социального запаса знания (ограничения структурами знания, семантическими полями, характерными для данной позиции в социальном пространстве, причем, важную роль здесь играет прагматический интерес), аккумуляции исторического опыта (ограничения, связанные с историческим опытом

Таблица 1

Адаптированная шкала Богардуса и интерпретация ее значений

Балл	Значение	Интерпретация
1	Согласен допустить в качестве члена семьи	Значение балла: до 2,5 (Интер)национальная идентичность
2	В качестве близких друзей	
3	В качестве соседей	Значение балла: до 4 Открытость (толерантность)
4	В качестве коллег по работе	
5	В качестве жителей страны	Значение балла: от 4 до 5 Национальная обособленность
6	В качестве туристов	Значение балла: от 5 до 6 Национальная изолированность (имплицитная форма ксенофобии)
7	Вообще не допускал бы	Значение балла: от 6 до 7 Ксенофобия

Источник: [4, с. 7–8]

совместного проживания, что подразумевает интрасубъективность седиментаций; легитимации, в том числе символический универсум; институционализацию хабиитуализированных действий и деятелей, конструирование ролей и статусов и их коллективного восприятия), и, следовательно, всех последующих результирующих фактов, которые могут быть репрезентированы в стратификационной модели общества и т.д.

Если же мы попробуем переместить ось наблюдения с «ксенофобии» на более центрическую позицию, которая учитывает и идентичность, и возникающую «социальную/национальную дистанцированность», то мы сможем не только улучшить саму методику, но и повысить точность полученных данных, следовательно, «разброс» в интерпретациях данных не будет настолько велик. Так, значение «согласен допустить в качестве члена семьи», которое детерминируется как наивысшее в смысле «толерантности», и, соответственно, обладает соответствующим баллом в шкале – 1. При интерпретации этого фактора упускается факт того, что индивиды идентифицируют себя, в первую очередь, со своей семьей, а эта зона обладает максимальным прагматическим интересом, так как она является фундаментом повседневной деятельности. Семейные отношения предполагают высочайший уровень эмпатии и близости, анонимность в таком случае практически устранена. Даже если все члены семьи являются украинцами, то индивид воспринимает их не по схемам типизации, которые характерны для дескрипции «украинцев». Он придает им более глубокие значения, связанные с эмоциональной привязанностью, установками, воспринятыми в ходе первичной социализации. Может ли респондент мысленно представить допустимость ситуации, в которой привычный ход вещей в его семье может быть нарушен принятием любого другого элемента в эту систему? Здесь речь идет про восприятие члена семьи на более глубинном уровне, целостном, нефрагментированном, что и характерно для группы первой категории, как об этом писал З. Бауман [1]. К тому же, следует учитывать отношение респондента к социальному институту семьи, к его формированию, структуре и ценностям (в работе В. Ядова хорошо проиллюстрирована иерархия «позитивной» и «негативной» идентичности [3, с. 5–7]). В шкале Богардуса смешиваются различные уровни «прагматического интереса», которые напрямую связаны с повседневной жизнью человека, его жизненным стилем (и всевозможными вариациями, которые он может выбрать), хабиитуализированными действиями, и, напротив – которые напрямую связаны с группами второй категории, абстрактными, анонимными, которые не становятся для индивида стержнем «рутиноцентричного» мира. Как очень четко подчеркнул В. Нахманович, следует разделять шкалу на два блока: первый отображал бы «личную национальную дистанцию», а второй – «общественную национальную дистанцию» [5, с. 11–12]. К тому же, такой вариант шкалы поможет более детально классифицировать и интерпретировать значения. Автор выделяет еще одну важную особенность [5, с. 17], которая необходима для рассмотрения (в исследовании КМИС можно увидеть то, что совет был услышан [17]): респондент может

иметь в виду «дистанцированность» не к определенным национальностям, а к их странам; к тому же, здесь важно понимать, что нас интересует отношение респондента к этническому анклаву, проживающему на территории Украины, а не к гражданам другой страны. От этого, в свою очередь, зависит результат исследования, и, конечно же, интерпретация данных: респондент может негативно относиться к русским как гражданам России, но положительно как гражданам Украины. К тому же, здесь важнейшую роль играют социальные типы идентичности и их восприятие населением Украины (неравномерное и неоднозначное), исторический опыт и ценностная структура украинского общества.

Выводы. Учитывая идеи социологов насчет трансформации как константы модерна и его процессуальности, индивидуализации и самоконструирования субъекта и его судьбы, мы вполне можем изучить те сущностные черты идентичности (социальные типы идентичности), которые были интернализированы в ходе первичной социализации (активный прошлый опыт габитуса по Бурдьё). Социология может «зафиксировать акт и финал “продолжения” человеком себя в “другом” с “возвращением к Я”» [13, с. 10], а при исследовании ксенофобии – это просто необходимо, ибо как было заявлено выше, ксенофобия и идентичность неразрывно связаны. В работе продемонстрированы различные взгляды на идентичность, но, особый акцент был сделан на феноменологической социологии А. Шюца и парадигме социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. С помощью изучения идентичностей возможно не только улучшение самого инструмента познания реальности в виде шкалы Богардуса, но и сужение интерпретационного набора к определенному парадигмальному подходу, который поможет сделать из «репрезентативности динамичности» действительно целостный конструкт, описывающий механизмы корреляции идентичности с национальной дистанцированностью. А. Шестаковский, анализируя неопределенность дефиниции «интолерантности», добавляет: «другой недостаток – не раскрыто понятие национальности. Но в отличие от предыдущего понятия [интолерантности], вопрос заключается не только в научном определении, но и в том, как понятие национальности (народа, этнической группы) понимается респондентами <...> С этим тесно связан вопрос о том, какие национальности респондент считает “другими”, “чужими» [6, с. 11]. Хоть шкала Богардуса и обладает неопределенностью границ валидности вследствие перенесения ее в контекст изучения украинского общества (она была создана в другом социальном пространстве), но ее необходимо оставить для дальнейшего использования, считает автор, апеллируя к накопленным материалам мониторингов с использованием этой методики [7]. В. Нахманович же, в свою очередь, считает, что необходима переоценка результатов, полученных с помощью использования шкалы Богардуса, а также внедрение новых инструментов познания реальности, которые действительно могли бы отображать уровень ксенофобии в украинском обществе [5, с. 19]. Мы считаем, что шкала Богардуса может и должна

быть улучшена, причем вектор социологической мысли должен быть направлен на консолидированное изучение идентичности и социальной дистанционности одновременно. Эта тема, безусловно, является актуальной и невероятно сложной, но учитывая ее важность, она не может остаться в стороне. Наша статья имеет более «разведывательный» характер, заключающийся в обосновании взаимосвязи между идентично-

стью и ксенофобией, и что при элиминации одного из элементов этой схемы невозможно целостное изучение данной тематики. Как мы считаем, разработка определенного концепта, учитывающего идентичность и ксенофобию, с последующей операционализацией, сможет повлиять на точность изучения предмета исследования, что непременно окажет воздействие как и на полученные данные, так и на их интерпретацию.

Список литературы:

1. Бауман З. Мыслить социологически : учебное пособие. Москва, 1996. 255 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. Москва, 2005. 390 с.
3. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе. *Социологический журнал*. 1994. № 1. С. 35–52.
4. Головаха Е., Панина Н. Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании. *Социологический журнал*. 2006. № 3–4. С. 102–126.
5. Нахманович В.Р. Уявна ксенофобія, або пастки шкали Богардуса. Що рахують українські соціологи. *Наукові записки інституту політичних і етнонаціональних досліджень*. 2014. Вип. 6(74). С. 71–90.
6. Шестаковський О.П. Індекс підтримки національної гомогенності: досвід адаптації шкали інтолерантності. *Український соціум*. 2010. Вип. 1(32). С. 91–103.
7. Шестаковський О.П. Історико-теоретичний аналіз шкали Богардуса. *Український соціум*. 2009. Вип. 3(30). С. 37–48.
8. Паниотто В.І. Динаміка ксенофобії і антисемітизму в Україні. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. 2008. № 1. С. 197–214.
9. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. Москва, 2003. 336 с.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва, 1995. 323 с.
11. Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and Society in late modern age*. Cambridge, 1991. 256 p.
12. Бурдьє П. Соціологія соціального простору. Москва, 2007. 288 с.
13. Makeev S.A., Oksamitnaya S.N., Shvachko E.V. Социальные идентификации и идентичности. Киев, 1996. 185 с.
14. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. Москва, 2004. 816 с.
15. Ионин Л. Г. Георг Зиммель – социолог. Москва, 1981. 128 с.
16. Giddens A. *Living in a Post-Traditional Society*. Cambridge, 1994. 256 p.
17. Київський міжнародний інститут соціології. Міжетнічні упередження в Україні, вересень 2019. Київ, 2019. URL: <https://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=904&page=1> (дата обращения: 24.11.2019).

References:

1. Bauman, Z. (1996). *Myslit' sotsiologicheski: uchebnoe posobie* [Thinking sociologically: tutorial]. Moscow: Aspekt-Press. (in Russian)
2. Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow: Logos. (in Russian)
3. Yadov, V.A. (1994). *Sotsial'naya identifikatsiya v krizisnom obshchestve* [Social Identification in the Crisis Society]. *Sociological Journal*, no. 1, pp. 35–52.
4. Golovaha, E., & Panina, N. (2006). *Natsional'naya tolerantnost' i identichnost' v Ukraine: opyt primeneniya shkaly sotsial'noy distantzii v monitoringovom sotsiologicheskom issledovanii* [National tolerance and identity in Ukraine: the experience of applying the scale of social distance in monitoring sociological research]. *Sociological Journal*, no. 3–4, pp. 102–126.
5. Nakhmanovych, V.R. (2014). *Uiyavna Ksenofobiia Abo Pastky Shkaly Bohardusa. Shcho Rakhuiut Ukrainiski Sotsiolohy* [Imaginary xenophobia, or traps of the Bogardus scale. that Ukrainian sociologists consider]. *Scientific notes from the Institute for Political and Ethnic Studies*, vol. 6, no. 74, pp. 71–90.
6. Shestakovskiy, O.P. (2010). *Indeks Pidtrymky Natsionalnoi Homohennosti: Dosvid Adaptatsii Shkaly Intolerantnosti* [National Homogeneity Support Index: Experience in Adapting the Intolerance Scale]. *Ukrainian Society*, vol. 1, no. 32, pp. 91–103.
7. Shestakovskiy, O.P. (2009). *Istoryko-Teoretychnyi Analiz Shkaly Bohardusa* [Historical-Theoretical Analysis of Bogardus Scale]. *Ukrainian Society*, vol. 3, no. 30, pp. 37–48.
8. Paniotto, V.I. (2008). *Dinamika ksenofobii i antisemitizma v Ukraine* [The dynamics of xenophobia and anti-Semitism in Ukraine]. *Sociology: theory, methods, marketing*, vol. 1, pp. 197–214.
9. Shyutts, A. (2003). *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira* [The Semantic Structure of the Everyday World]. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. (in Russian)
10. Berger, P., & Lukmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium. (in Russian)
11. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-identity: Self and Society in late modern age*. Cambridge: Polity Press.
12. Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia.
13. Makeev, S.A., Oksamitnaya, S.N., & Shvachko, E.V. (1996). *Sotsial'nye identifikatsii i identichnosti* [Social Identities and Identities]. Kiev: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine.
14. Gudkov, L. (2004). *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles 1997-2002]. Moscow: New Literary Review.
15. Ionin, L.G. (1981). *Georg Zimmel – sotsiolog* [Georg Simmel – Sociologist]. Moscow: Science.
16. Giddens, A. (1994). *Living in a Post-Traditional Society*. Cambridge: Polity.
17. Kiev International Institute of Sociology (2019). *Mizhetnichni uperedzhennya v Ukrayini, Veresen 2019* [Inter-Ethnic Prejudices in Ukraine, September 2019]. Available at: <https://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=904&page=1> (accessed 24 November 2019).